

После того как он помог тете Ли подмести двор, Цин Янь был награжден щедрой горстью поджаренных семечек. Разгрызая крупные, ароматные ядра, он почувствовал, как настроение заметно улучшилось.

Вопрос с возвращением домой был улажен, а что касается дела Ян Хуая, его любовника, у него еще было время. Если он будет осторожен и сможет избегать пересечений с этим человеком, возможно, все еще можно будет исправить. Пережив болезнь, Цин Янь стал смотреть на все проще. Сейчас торопиться было бессмысленно.

На обед он быстро приготовил что-то несложное. После еды немного поспал, а затем отправился в комнату Кузнеца Вана, чтобы практиковаться в чтении и письме. Цин Янь принес с собой книгу «Записки о горах и реках» и, ориентируясь на смысл текста, а также вспоминая, как Цю Хэнянь читал ее раньше, старательно разбирал каждое слово.

Для начала он сосредоточился на том, чтобы узнавать слова. Когда уставал, переходил к письму — выводил иероглифы медленно и аккуратно, стремясь не только записать их, но и сделать это красиво. В то время для образованного человека умение писать было основным навыком, и почти каждый мог похвастаться хорошим почерком. Его же небрежные каракули могли выдать его с головой.

Время за усердной учебой пролетело незаметно. Когда Цин Янь почувствовал, что устал, он остановился и обнаружил, что уже пора готовить ужин. Он аккуратно высушил использованную бумагу, сложил ее и спрятал на самое дно сундука, где хранил свою одежду. На самом деле, лучше бы ее сжечь, но бумага была дорогой, а ее обратная сторона и даже промежутки между иероглифами еще могли пригодиться. Цин Янь не мог позволить себе такой роскоши, как выбросить ее.

Закончив с уборкой, он вымыл руки и задумался о том, что приготовить на ужин. Основным блюдом он решил сделать кукурузные лепешки. Вчера, когда Цю Хэнянь принес домой сладкие танъюань, он заодно забрал из дома старого Чжана, который занимался приготовлением тофу, большой кусок свежего тофу. В доме также были яйца, к которым можно было добавить немного зеленого лука — получилось бы ароматное блюдо. Но одного блюда для двух взрослых мужчин было бы маловато, поэтому Цин Янь решил еще пожарить картофельной соломки.

Составив план, он начал готовить овощи, но заметил, что в бочке почти не осталось воды. Цю Хэнянь рассказывал ему, что вода в доме берется из колодца в центре деревни, и если ее не хватает, он сам приносит. Однако Цин Янь, будучи молодым и крепким парнем, не видел необходимости ждать возвращения Цю Хэняня. Он надел недавно купленную небесно-голубую куртку, нашел в сарае коромысло, довольно неуклюже, но решительно закрепил на нем два ведра и отправился к колодцу.

Это был первый раз, когда Цин Янь решил пройтись по деревне.

Солнце уже клонилось к закату, и температура начала заметно падать. Каждый его выдох превращался в белый туман, медленно рассеивающийся в прохладном воздухе.

Было время ужина, из труб многих домов вился дым. На улице играли тепло одетые дети, их носы блестели от холода, они шумно бегали и смеялись. По дороге проходили люди с ведрами, а неподалеку собрались трое-четверо стариков. Они болтали между собой, ожидая, когда их дети позовут к столу.

Цин Янь заметил, как те старики, увидев его, сразу перестали разговаривать и начали пристально его разглядывать. Когда он проходил мимо, их взгляды были столь жгучими, словно иглы, вонзающиеся ему в спину.

Но Цин Янь сделал вид, что ничего не заметил, и продолжил идти к колодцу. Однако он не успел уйти далеко, как услышал, что один из стариков, понизив голос, сказал:

— Это тот самый новый супруг из дома старого Вана?

Другой ответил:

— Да, это он. Я его пару лет назад видел в городе. Вроде бы подрос немного с тех пор, да и выглядит еще лучше, чем раньше.

— Ты только глянь на это личико! Белое, нежное, как у младенца, да и фигура — стройная, талия тонкая. В радиусе десяти ли ему нет равных среди геров, — добавил кто-то с явным восхищением.

— А как же иначе? — другой голос понизился до шепота. — Сваха Ван выпивала у нас дома пару дней назад, так вот, проговорилась: чтобы жениться на этом гере, приемный сын старого Вана выложил вот такую сумму. — похоже, человек показал жест руками. Присутствующие ахнули, а затем принялись причмокивать.

— Такой красивый гер, говорят, еще и грамоте обученный. Даже если столько денег дали, семья Юй в городе вряд ли легко согласилась бы отдать его.

— Эх, ты этого не знаешь, — вмешался кто-то. — Его родная мать давно умерла, а мачеха его невлюбила. Давно хотела, чтобы он поскорее вышел замуж. Вот вчера, кстати, был его день возвращения домой, но говорят, утром из дома гера пришли с известием, что возвращаться не нужно. Похоже, семья Юй совсем не уважает сына старого Вана.

— Да и с чего бы уважать? Кузнечная мастерская, может, и приносит больше, чем работа в поле, но до уровня ученых ей далеко. А уж сын старого Вана... это лицо... страшнее не придумаешь. Как представишь, что ночью, проснувшись, увидишь такое рядом, сразу можно от страха помереть. А если ребенок у них родится и первым делом увидит своего отца, не удивлюсь, если тут же обратно в утробу спрячется!

— Ну ты и остряк! — воскликнул кто-то, но тут же рассмеялся. — Хотя, в этом что-то есть.

Все вокруг разразились громким смехом.

Хотя их голоса были приглушенными, всем прохожим было слышно каждое слово. Очевидно, они даже не пытались скрывать свое презрение.

Цин Янь сжал губы, ничего не сказал и молча направился к колодцу, чтобы набрать воды.

Зимой земля была покрыта остатками снега, который от постоянного хождения утрамбовался и стал скользким. У края колодца, где вода регулярно проливалась, образовалась толстая корка льда. Цин Янь раньше видел такие колодцы в туристических местах и по телевизору, но опыта работы с ними у него не было. Он неуклюже привязал ведро к веревке и, вращая ворот, опустил его на дно колодца. Почувствовав, как ведро стало тяжелым, он осторожно поднял его обратно.

Процесс оказался непростым. Цин Янь одной рукой крепко держал ворот, а другой вытаскивал ведро, затрачивая немало усилий. Все это время он был предельно осторожен — любая ошибка, скольжение на ледяной корке, и можно было упасть в колодец, что грозило бы неминуемой гибелью.

Закончив с первым ведром, он повторил процедуру со вторым, после чего взвалил коромысло на плечи и медленно, стараясь сохранять равновесие, направился обратно. Когда он снова проходил мимо той группы стариков, они вновь умолкли, лишь с ухмылками наблюдая за ним, как за забавным зрелищем.

Цин Янь поставил ведра на землю, потер плечо и, сделав вид, что передохнул, обернулся к ним с улыбкой:

— Дедушки, бабушки, еще не ужинали?

Неожиданный вопрос застал их врасплох, но они ответили, улыбаясь:

— Нет еще, дома еда готовится, вот скоро и пойдем.

Цин Янь кивнул, словно поддерживая светскую беседу:

— А мы тоже еще не ели. Все из-за этой свиной рульки, никак не разварится. Уже два очага угля сожгли, а она только начала становиться мягкой.

Старики переглянулись, и одна из старушек откликнулась:

— Да-да, рульку надо тушить до мягкости, иначе она невкусная.

Цин Янь показал ей большой палец:

— Уважаемая, вы знаете толк! Вот и я так делаю: сперва разогреваю масло в горячей сковороде, растапливаю в нем кусочек сахара. Когда сахар становится янтарного цвета, кладу туда свиную рульку, чтобы вся покрылась карамельной глазурью. Потом добавляю перец, звездчатый анис, кусочки имбиря и зеленый лук — это обязательно. Обжариваю, пока специи не раскроют свой аромат, затем наливаю горячую воду.

Он поднял палец, как бы предостерегая:

— Обязательно горячую! Если залить холодную, мясо тут же стянется, и потом его не размягчишь.

— Когда вода закипит, добавляю немного пасты из зеленых бобов, соли, накрываю крышкой и тушу на медленном огне. Крышка начинает выпускать пар, и аромат мяса наполняет весь дом! — Цин Янь вдохнул и закатил глаза, будто вдыхая этот воображаемый запах. — Ну просто объедение!

Кто-то из стариков, слушая, невольно сглотнул.

Цин Янь продолжил, изобразив, будто держит тарелку с едой:

— Когда рулька готова, вынимаешь ее из кастрюли — кожица мягкая, как желе, а мясо внутри пропиталось соками, совсем не сухое. Берешь кусок, откусываешь, и жирная, ароматная кожица тает во рту. Мясо нежное, но с легкой упругостью, вкус насыщенный, многослойный, просто невозможно устоять!

Его детальное описание заставило всех вокруг затихнуть. Даже те, кто изначально насмехался, теперь молчали, воображая себе аппетитное мясо. Глухой звук «глыг-глыг» раздавалось все чаще — кажется, все вокруг, слушая Цин Яня, не могли удержаться и невольно сглатывали.

Цин Янь мягко улыбнулся, потер замерзшие покрасневшие руки и, подняв коромысло с ведрами, весело сказал:

— Ну, дома рулька уже, должно быть, готова, а Хэнянь вот-вот вернется. Интересно, что он на этот раз принесет? Говорил же ему, что мне столько одежды не сносить, а он все покупает...

Покончив с фразой, он вежливо поклонился и попрощался:

— Уважаемые дедушки и бабушки, я пойду, а вы болтайте на здоровье.

Не обращая внимания на их реакции, Цин Янь, ровно удерживая коромысло, направился

домой.

Вернувшись, он налил воду в бочку, затем вышел на улицу, где в снегу хранились два свиных локтя. Он долго смотрел на них, но так и не решился приготовить, оставив на потом. Вместо этого он взял небольшой кусочек постного мяса, мелко порубил его и поджарил вместе с тофу и яйцами.

К ужину все было готово, но Цю Хэнянь еще не вернулся. Тогда Цин Янь осторожно передвинул кукурузные лепешки в котле на край, поставил туда тарелки с готовыми блюдами и прикрыл крышкой, чтобы еда оставалась теплой.

После этого он сел у плиты и замер. Слова, которые он слышал ранее от тех людей, все еще отзывались неприятным осадком. Он был зол, но не стал с ними ссориться. Ведь кузница Цю Хэняня работала в основном на жителей деревни, и портить с ними отношения было бы неразумно.

Цин Янь понимал, что в их словах не было настоящей злобы. Скорее, это была зависть: кузнечная мастерская зарабатывала больше, чем обычные деревенские хозяйства, а зависть часто порождает пересуды.

Но то, как они говорили о Цю Хэняне, задело его глубоко. Он вздохнул и тихо пробормотал:

— Эх...

Цю Хэнянь вернулся, когда на улице уже совсем стемнело. За ужином, при свете масляной лампы, он сказал:

— Работы накопилось много, в ближайшие дни, наверное, буду возвращаться поздно. Ты не жди меня, ешь раньше.

Цин Янь покачал головой:

— Я и так перекусил немного, пока готовил. Совсем не голоден.

После ужина Цю Хэнянь пошел в сарай за дровами, чтобы разогреть воду. Зима была суровой, но в кузнице от жаркой печи всегда было тепло, поэтому к концу дня он весь пропитывался потом, угольной пылью и сажей.

Цин Янь, заметив, что тот собрался мыться, быстро ополоснул большой котел и наполнил его водой. Пока Цю Хэнянь сидел у очага и подбрасывал дрова в топку, Цин Янь ловко и ритмично тянул мехи, чтобы разжечь огонь.

Огонь в печи разгорелся, и вскоре вода в котле начала закипать, издавая шипящие звуки. Цю Хэнянь поднялся, вынес из кладовки деревянную ванну, и вместе с Цин Янем они тщательно вымыли ее, а затем перенесли в комнату.

К этому времени вода в котле уже кипела. Цин Янь начал переливать ее в ведро, а Цю Хэнянь переносил ведро за ведром в комнату и выливал воду в ванну, добавляя прохладной воды для нужной температуры. Когда все было готово, Цин Янь достал для Цю Хэняня чистую одежду и положил ее рядом с кроватью. Он немного замешкался, собираясь уйти в комнату Кузнеца Вана, чтобы не мешать, но услышал голос:

— Цин Янь, сначала ты. Вымойся, а я потом.

Цин Янь остановился, удивленно оглянувшись на него. В его словах был смысл: дрова и уголь — ресурсы не дешевые, и подогревать воду каждый раз ради одного человека — непозволительная роскошь. Но несмотря на это, лицо Цин Яня слегка порозовело. Он неуверенно возразил:

— Лучше ты сначала, а я потом.

Однако Цю Хэнянь только слегка подтолкнул его за плечо и спокойно сказал:

— Я весь в грязи, — после чего вышел из комнаты и закрыл дверь, оставив Цин Яня без возможности продолжать спор.

Цин Янь действительно давно хотел помыться. Он чувствовал, что волосы уже стали жирными. Привыкший к короткой стрижке, он до сих пор не мог привыкнуть к длинным волосам, которые почему-то у него появились в этом мире.

Внешний шум подсказывал, что Цю Хэнянь все еще был занят во дворе, подкладывая дрова в печь. Зима была холодной, и Цю Хэнянь заботился о том, чтобы в доме было тепло, иначе купание могло бы обернуться простудой.

Цин Янь снял одежду, распустил волосы и осторожно опустил в горячую воду. Теплая вода согрела его до самых кончиков пальцев, расслабляя все тело. Он тихо выдохнул, но все равно прислушивался к каждому звуку из-за двери.

Мысль о том, что Цю Хэнянь может неожиданно войти, не давала ему покоя. Хотя он понимал, что это маловероятно, но при каждом шаге, приближающемся к двери, сердце начинало колотиться, словно ожидалось нечто неизбежное.

После нескольких таких моментов Цин Янь хлопнул себя по щекам и мысленно отчитал:

— Ну вот, совсем с ума сошел! Чего ты вообразил? Да если бы он правда зашел, ты бы от страха

сам не знал, куда деться!

Опасаясь, что вода для Цю Хэняня может остыть, он быстро смыл с себя мыло, вылез из ванны, обмотал голову полотенцем и, наскоро вытеревшись, надел нижнюю одежду и накинул халат. Затем он отправился звать Цю Хэняня.

Когда он открыл дверь, на улицу хлынул горячий пар с запахом мыла и легким ароматом свежего тела. Цю Хэнянь, обернувшись на звук, бегло осмотрел его и спросил:

— Закончил?

Цин Янь вдруг почувствовал себя неловко, опустил взгляд и кивнул.

— Твоя очередь. Я буду подбрасывать дрова, — пробормотал он.

Однако Цю Хэнянь покачал головой:

— Не нужно, я только что добавил угля, жара хватит.

Цин Янь быстро взглянул на него и уже начал говорить:

— Тогда я пойду в соседнюю комнату...

Но прежде, чем он успел закончить фразу, Цю Хэнянь взял его за руку и мягко потянул к внутренней комнате:

— Внешняя слишком холодная, а там нет лампы. Только что помылся, не ходи по холоду.

Цин Янь остолбенел. Только что он воображал, как Цю Хэнянь мог бы ворваться к нему в ванную, а теперь оказалось, что их роли поменялись?

<http://bllate.org/book/13590/1205168>